От экономики внимания к навигации в науке: случай российской социологии

Катерина Губа
Рукопись

Внимание – разменная монета академического мира?

Аналитический инструмент в виде «экономики внимания» представляет переплетение концептов неоинституциональной теории и отправных точек социологических исследований науки. Здесь мы начинаем с идеи Роберта Мертона о движущей силе научного признания, которое приходит к тем, кто порождает новое оригинальное знание. Цитируя в собственном тексте статьи своих коллег, мы тем самым оказываем им внимание, признавая ценность их интеллектуального вклада для нашего собственного исследования. По сути практика цитирования оригинальных источников представляет собой соглашение между ученым и его коллегами, когда каждый из них получает право свободно пользоваться знанием, содержащимся в научных текстах разного формата. Открыто пользоваться научным знанием мы можем, соблюдая одно важное условие: одновременно необходимо воздавать должное ученому, который тем самым получает свою долю внимания, признания и уважения. [1] В итоге, самый простой способ оказать признание – это процитировать работу своих коллег, что чаще всего показывает необходимость обращения к их идеям в собственном тексте.

Для развития науки имеют значение только те тексты, которые были успешно восприняты и использованы другими учеными[2] (Merton 1968). Однако одного только оригинального текста для получения признания недостаточно. Далее по правилам академического мира работа должна стать видимой для остальных ученых. Библиографические списки показывают в концентрированном виде, какие работы привлекли их внимание, даже если последние выразили только критическую позицию.[3] Цитирование не является единственно возможным способом оказать признание, но лишь только количество ссылок дает возможность четко увидеть каждому его собственную долю. Степени или престижные научные награды позволяли лишь отделить успешных ученых от их коллег, получивших меньшее признание. Мы не могли бы проводить тонкие различия, основываясь лишь на том, что N-ученых получили Нобелевскую премию, другое же N оказалось менее успешным. Количество публикаций говорит нам лишь о продуктивности ученых, но умалчивает о роли опубликованных текстов для научного сообщества. Ссылки же на статьи указывают, как ученые в действительности воспринимают, оценивают и используют работы своих коллег. [4]

---

[1] Если в современной академии сложно найти ученого, не поддающегося всеобщей гонке за публикациями, то несколько столетий назад было также сложно найти ученых, которые стремились бы сделать научное знание публичным достоянием. Когда в 1665 г. появился журнал «Философские труды», то пришлось прилагать специальные усилия, направленные на убеждение ученых в пользу публикации научных результатов на страницах нового печатного издания. Ученые серьезно опасались «философского грабежа», что сегодня скорее стоит называть как плагиат распространенных, но неопубликованных рукописей (Merton 1971).

[2] Латур несколько радикальнее в своих утверждениях о том, что научными фактами могут стать только факты, появившиеся в опубликованном тексте. Даже если вы открыли нечто очень важное для научного сообщества и написали текст, совершенный в своей научной строгости, ваши установленные факты самым парадоксальным образом не станут фактами, пока их не прочитают, и не процитирует ваши коллеги (Latour 1997: 40).

[3] Вероятно, более правильно говорить о внимании, чем о признании. В действительности подсчитывание количества ссылок не отражает содержания цитаты и намерений автора, ее процитировавшего. Когда мы критикуем и абсолютно не согласны с автором, то мы все же оказываем ему внимание, которое чаще затем рассматривается как признание вне зависимости от содержания и контекста цитирования.

[4] Это стало предметом отдельного исследовательского направления, связанного с изучением контекста вокруг ссылок (Small 1978, Moravcsik 1988).

С появлением более точного способа оценки[5] интеллектуальной деятельности ученых чрезвычайно интересным оказался сюжет, связанный с конвертацией научного признания в материальное вознаграждение. Подсчитывание количества цитирований и импакт-фактора стало влиять на разные группы академического мира, когда финансирование исследователей, институтов и целых отраслей начинает зависеть от оценки их деятельности именно через эти указатели. В итоге, влияние одной цитаты на оплату труда может быть выше, чем публикация одной статьи (Diamond 1986, цит. по Юдкевич 2007). Однако возможности экономического анализа науки не ограничиваются только сюжетами, связанными с вознаграждением лучших из нас. Несмотря на то, что как кажется, на первый взгляд деньги не играют той решающей значимости как в рыночной экономике, элементы неоинституционального анализа с его вниманием к трансакционным издержкам и институциональным механизмам могли бы прояснить другие важные аспекты.

Начать нужно с того, что в условиях насыщенности существующими академическими текстами внимание является своего рода редким ресурсом. Ведь библиографические списки не выходят за пределы нескольких десятков авторов, также как продуктивность ученых предполагает весьма ограниченное производство текстов. Время, потраченное на чтение текстов своих коллег, также является ограниченным ресурсом, который мы бы хотели потратить с наибольшей эффективностью. Последнее предполагает обращение к лучшим текстам и лучшим авторам при игнорировании работ низкого качества, едва ли достойных проявления к ним интереса.

Распоряжение вниманием требует решения нескольких вопросов: кому мне оказать внимание и как его заполучить? С одной стороны мы сами решаем, без каких идей мы не можем обойтись на страницах своих научных работ, пытаемся ли мы отдать должное интеллектуальным достижениям своих коллег или обеспечить свою статью мощной поддержкой в виде достойного библиографического списка. С другой стороны, мы можем занять свою позицию в библиографическом списке, когда наши коллеги в свою очередь оказывают нам внимание, если, не признавая значимость работы, то выводя текст в зону видимости. И то и другое предполагает решение важных навигационных вопросов, отсылая к поиску важных для нас работ, или предполагая серьезное отношение к местам собственных публикаций. В обоих случаях значение играют разного рода репутационные механизмы, количественным выражением которых можно считать количество цитирований и импакт-фактор научных изданий.

Навигация в науке: кому оказать внимания и как его получить?

Здесь мы приходим к проблеме навигации во все возрастающем потоке научных текстов. Предположим, что вокруг нас нет специальных механизмов, призванных помочь оказать внимание действительно достойным текстам. Последнее не так далеко от действительных предположений, достаточно вспомнить проекты по созданию одной почти бесконечной базы электронных текстов в открытом доступе. Авторы важной статьи, связывающей экономику и внимание в академическом мире, предлагают представить нам дигитальное будущее для научной коммуникации, когда каждый сможет свободно публиковать свой текст в Интернете. Наконец ушла бы в прошлое ожесточенная борьба за

[5] Существует множество критических работ, посвященных трудностям оценки деятельности ученых с помощью количества цитирований и импакт-факторов. В ответ на появление множества публикаций, оценивающих научную деятельность по индексу цитирования или импакт-фактору, появились и статьи, стремящиеся показать необоснованность идеи выносить оценки деятельности ученых по количеству ссылок. Одни авторы говорили о существовании разных паттернов цитирования в разных дисциплинах, что затрудняет выработку единых стандартов оценки (Najman and Hewitt 2003). Другие писали об интертекстуальности публикаций, когда процитированными оказывается лишь небольшая часть работ, оказавших влияние на автора (Hicks and Potter 1991). Кроме того, исследователи акцентируют внимание на множество проблем, носящих технический характер (MacRoberts and MacRoberts 1986).

ограниченное пространство в ограниченном количестве дисциплинарных журналов, и мы бы могли забыть о недалеких рецензентах и редакторах, месяцами рассматривающих рукописи в издательствах. Мгновенно можно было бы обратиться к любому научному тексту и одновременно разместить свои собственные научные результаты без временных, эмоциональных и финансовых издержек, что вероятно, для многих стало бы подлинной свободой академического мира (Klamer and van Dalen 2002: 289).

Однако такая свобода может оказаться разрушительной силой для всего устройства науки, если мы вспомним знаменитое утверждение Г. Саймона, ставшее затем основанием для развития экономики внимания в разных областях: «Избыток информации влечет дефицит внимания и необходимость эффективно его распределять в чрезмерном изобилии информационных ресурсов, полностью его поглощающих» (Simon 1971: 40-41, цит. по Klamer and van Dalen 2002: 289). В этом случае автор оказался бы в сложной ситуации выбора необходимых текстов для собственной исследовательской деятельности. Несмотря на то, что достаточно было бы всего лишь нескольких кликов мышки, чтобы скачать сотни статей и книг, издержки по отбору самых важных и нужных, вероятно, превысили бы все преимущества свободного доступа к научным текстам. Кроме того, нетрудно предположить соблазн ученых снизить качество публикаций, затратив меньше усилий по производству хорошего текста, если инстанции по удостоверению их качества вдруг перестанут существовать.

Выдуманная ситуация здесь появилась лишь для того, чтобы показать важность специальных институциональных механизмов, помогающих нам выбирать нужные тексты для оказания внимания релевантным авторам. Ведь даже вернувшись к действительности научной коммуникации, нам все еще нужно решать, к каким текстам обращаться в своих собственных исследованиях.[6] Мы все еще должны выбрать тексты из множества научных журналов, доступ к которым можно получить через институциональную подписку к электронным базам. Возможности ученого здесь достаточно ограничены, не существует возможности прочитать все статьи, иногда даже по собственной исследовательской тематике, при этом поток статей постоянно увеличивается.[7] Если мы легко можем представить, что человек, живущий в эпоху Ренессанса, мог овладеть всем интеллектуальным богатством, то сегодня это едва ли представляется возможным (Klamer and van Dalen 2002: 293). Находясь под давлением призыва постоянно публиковаться, чтобы стать видимым для своего сообщества или получить желаемую позицию в университете, ученые организовывают все новые и новые журналы, в которых постоянно порождают все новые и новые тексты (Bott and Hargens 1991).

В случае отсутствия институциональных механизмов или же сбоев в их функционировании можно предположить ситуацию рынка «лимонов». Роберт Акерлоф рассматривал специальные рынки[8], на которых у продавцов появляется соблазн поддаться оппортунистическому поведению, выставив товары низкого качества. Происходит это из-за наличия своего рода ассиметричной информации, когда покупатель заранее не знает о качестве товара, выяснить которое можно только с помощью первой пробы. Лишь продавец изначально знает все о товаре, чем и может воспользоваться, поддавшись

---

[6] Кроме того, в этом срезе в академическом мире отсутствуют деньги или цена статьи, которую нужно было бы заплатить за ее чтение и использование в своих исследованиях. В обратном случае мы могли бы полагаться на цену как информационный сигнал, подсказывающий нам кому же в первую очередь отдать должное в собственных библиографических списках. Или же стоимость статьи могла бы указывать на ее востребованность для научного сообщества. По экономическим законом рынка, чем выше была бы цена статьи, тем более качественной, важной и интересной она должна была бы оказаться.

[7] В развитии американской социологии в течении XX в. не раз движущим фактором называют демографию как резкое увеличение ученых, занимающихся социологией, и, следовательно, производящих все большее количество текстов. Например, смотрите лекцию о развитии дисциплины и системы публикаций Э.Эбботта (Abbott 2008), а также Р.Коллинза и его статью о состоянии американской социологии (Collins 1986: 1338).

[8] Акерлоф обращается к рынку поддержанных автомобилей, где некачественный товар называют «лимоном». Кроме того, у него можно найти примеры страховых обязательств, финансовых рынков и найма на работу.

оппортунизму. При этом пострадавшими становятся не только сами покупатели, получающие товар плохого качества, но и рынок страдает от недобросовестности продавцов, когда хорошие продавцы и качественные товары просто уходят с этого рынка (Акерлоф 1994: 91-92).

В свою очередь в академическом сообществе мы видим одно из проявлений асимметрии информации. Прежде чем обратиться собственно к тексту статьи или даже прочитать аннотацию, существует не так много предположений о том, окажется ли эта статья действительно важной. Узнать это мы можем только «попробовав» статью, то есть, начав ее собственно читать. Чаще всего одного лишь чтения аннотации не достаточно: мы получаем информацию о кратком содержании текста, но не о его качестве. Важные идеи могут скрываться почти в любой части публикации, поэтому найти их возможно, только прочитав заметную часть работы. В итоге мы тратим какое-то количество времени просто на то, чтобы решить, нужна ли нам эта статья, и стоит ли продолжить ее чтение. Иногда для этого достаточно всего нескольких страниц, но иногда лишь к концу статьи становится понятным, что мы зря потратили несколько часов, когда могли бы обратиться к более важному и значимому тексту. [9]

В тоже время в отличие, например, от потребителей культурной продукции[10] мы можем с большей вероятностью понять, что скрывается за этим текстам и является ли он действительно хорошей научной продукцией. Здесь социолог, пытающийся оценить качество текста и понять, насколько важными для него окажутся воплощенные в нем идеи, является частью того же мира, по чьим правилам был произведен текст. Но мы никогда не можем быть уверенными до конца в том, что социолог действительно провел сорок интервью, изучил необходимые источники и упомянул в своей работе все, заслуживающие внимания тексты. Задумав лично удостовериться в каждом отдельном случае попавшего нам на глаза текста, у нас бы не хватило времени на собственную научную деятельность.

В действительности обычно ученые с большей или меньшей вероятностью справляются с необходимостью поиска нужных текстов, которым затем оказывается внимание, также как успешно работают настоящие рынки – поддержанные машины продаются, а страховые свидетельства выписываются. Происходит это за счет существования специальных механизмов, указывающих на продукты, которые прошли институциональную экспертизу, и в большей степени заслуживают нашего внимания (Henkens and van Dalen 2004:3). Собственно для того, чтобы идеи, теории и исследовательские результаты смогли получить признание, исходя лишь только из их значимости, необходимо специальное институциональное устройство науки. Аккредитация или удостоверение качества знания происходит двумя способами: через престиж журнала, в котором появилась статья, и через количество ссылок, которая она получила (Christenson and Sigelman, 1985: 965). Оба этих механизмы завязаны на репутациях, во многом их привлекательность состоит в возможности увидеть точную количественную меру, что стало возможным благодаря базам типа Scopus или ISI Web of Knowledge. [11]

Журналы и редакционные редколлегии выступают привратниками на пути превращения текста в публикацию, действуя как своего рода инстанции, призванные

---

[9] Здесь нужно сказать о важном ограничении применения логики Акерлофа в академическом мире. Если на других рынках продавцы легко могут поддаться оппортунистическому поведению из-за асимметрии информации (выставив лимоны), то здесь текст может оказаться «лимоном», даже если его автор является добросовестным ученым (он может и не знать, насколько его продукт является «лимоном» в отличие от продавца поддержанной машины). Я благодарна В. Волкову и Л. Халиуллине за обращение внимания на это важное замечание.

[10] Блестящий анализ рынка культурной продукции и специальных институциональных механизмов, призванных помочь в культурной навигации, смотрите в книге А. Долгина (Долгин 2007).

[11] Существуют и другие способы поиска нужных работ, которые необходимы для занятия собственной научной деятельностью. Один из них происходит через распространение неформальной информации о новых текстах, к сожалению, здесь нет возможности специально поговорить об этом.

удостоверять качество поступающих текстов. Публикуя научный текст на своих страницах, журнал тем самым удостоверяет, что текст обладает необходимым набором признаков, указывающих на то, что он действительно заслуживает внимание. В важной работе, связанной с экономикой внимания в академическом мире авторы называют журналы своего рода сортировочным механизмом (Henkens and van Dalen, 2004: 4), что снимает собственно с нас часть работы по отбору зерен от плевел. Научные журналы становятся брендом, распространяя знак качества на публикуемые в них материалы. Например, в американской социологии не так важно, *что* вы публикуете, сколько *в каком* журнале, когда последний становится судом первой инстанции профессионального успеха (Abbott, 1999: 190). Зная, например, что этот конкретный журнал придерживается высоких стандартов для публикации текстов, мы можем надеяться, что все опубликованные в нем статьи не окажутся «лимонами».

На языке экономического анализа система рецензирования научных книг и статей позволяет нам эффективно тратить не только свое время, но и свои честно заработанные деньги. Точно также как на других рынках советы критиков позволяют покупателям избегать плохих фильмов и автомобилей, так и рецензент сохранят, если не наши деньги, то наше внимание и время (Gross 2000: 449). Деятельность редколлегии и рецензентов экономит время, позволяя проходить мимо очень плохих текстов, даже просмотр которых может повлечь за собой достаточные временные затраты.[12] Однако не все научные издания передают сигналы о качестве публикуемых работ, здесь нужно учитывать репутации журналов, которые могут измеряться через их импакт-фактор[13] или мнение членов научного сообщества (Glenn 1971), что чаще соответствует друг другу. Исследование истории цитирование социологических статей подтвердило очевидные догадки о том, что престижные и хорошо известные журналы (со значимым импакт-фактором) привлекают больше хороших статей, чем менее заметные издания, что в свою очередь позволяет первым поддерживать свой престиж.

Очевидным также результатом стало, что статьи из хороших журналов больше притягивают внимание ученых. Соответственно такие публикации будут цитироваться чаще, чем статьи в менее известных журналах. Социологам, возжелавшим получить свою долю признания, стоит сосредоточиться на публикации статей в хороших журналах, чем на публикации глав в коллективных монографиях или даже книг, ведь последние получают меньшее количество внимания (Bott and Hargens 1991). Кроме того, общие дисциплинарные журналы обычно достигают большего количества читателей, чем специализированные журналы, которые предназначены для специальной небольшой группы ученых (Klamer and van Dalen, 2002: 307). Публикации в престижном журнале доходят до самых отдаленных сегментов дисциплины, что воплощается в их дальнейшем цитировании авторами, публикующимися уже в других изданиях, как первого, так и второго эшелона.

Обычно центральные журналы обладают высокой репутацией, воплощающейся в качестве рукописей, которые редакционные коллегии принимают к публикации. Получить согласие в таких изданиях значительно труднее[14], что требует следования определенному профессиональному уровню. Перед автором встает ощутимый выбор: опубликоваться в малоизвестном журнале, потеряв по шкале престижности, сэкономив время и усилия, или попытаться опубликовать статью в признанном дисциплинарном издании. Последнее,

---

[12] Тоже самое происходит и при посещении конференций. С большей вероятностью мы посетим конференцию, зная, что в составе организационного комитета находятся уважаемые люди с хорошей репутацией, или зная репутацию главной институции. В этом случае можно хотя бы надеяться, что время, проведенное за прослушиванием не только собственного доклада, окажется проведенным с пользой.

[13] Импакт-фактор равен частному, где в знаменателе – число статей, опубликованных в данном журнале за два года, предшествующие расчетному, а в числителе – общее число ссылок на эти статьи во всех публикациях данного года, учтенных в Web of Science (Савельева, Полетаев 2009:10).

[14] В американских центральных журналах для социологии уровень отказа доходит до 85 %, что в том числе связывается с особенностями аккумуляции знания в устойчивый корпус.

хотя и требует увеличения издержек, но и привлекло внимание значительной части коллег, что дало бы ощутимый вклад в академическую репутацию автора.[15] С гораздо большей вероятностью можно было бы ожидать в этом случае появление автора и его статьи в библиографических списках самых разных ученых, несколько раз в год просматривающих свежие выпуски American Journal Sociology и American Sociological Review.[16]

Если предположить, что в академическом мире перед учеными встает двусторонняя задача оказания внимания и его привлечения внимания к своей работе, то интерес возникает, какие механизмы помогают справляться с этой задачей. Репутации авторов в виде индексов цитирования и репутации журналов в виде импакт-факторов становятся своего рода институциональными механизмами, снижающими издержки по поиску и отбору достойных авторов. Институциональные сигналы эффективны не только для ученых, озабоченных эффективностью затрат своего времени и внимания, они же позволяют награждать лучших, куда уже вступают административные механизмы. В действительности существует не так много маркеров, по которым мы могли бы оценивать исследовательскую продуктивность. Несмотря на справедливую критику, одним из самых надежных является индекс цитирования, указывающий на степень интеллектуального признания деятельности ученого. Но что происходит в тех академических сообществах, где репутационные механизмы подобного рода не находят такой же количественной составляющей? Этот важный вопрос заставляет обратиться к случаю постсоветской социологии, где российский индекс цитирования лишь движется на пути к успеху. Дальнейшие рассуждения будут касаться

Российская социология: институциональные сбои в удостоверении качества

В случае российской социологии[17] мы наблюдаем сообщество, в котором дают сбои репутационные механизмы, предполагающие стимулы вступления в борьбу за достижение внимания со стороны коллег. Практически не существует возможности увидеть точное количество внимания, которое получает ученый, что указывало бы какие люди и тексты вызывают наибольший интерес со стороны сообщества. В российских социальных науках достижения ученых обычно измеряют по количеству публикаций. Если для естественных наук существует возможность использования индекса цитирования для оценки цитируемости ученых, то в социальных науках эти возможности почти отсутствуют. Из социологических журналов в Институте научной информации (ISI)

[15] У автора есть и другие возможности стимулирования внимания к своей работе. Одна из них заключатся в возможностях реципрокного цитирования. В идеале возможная стратегия авторов заключалась бы во внимательном изучении публикаций других исследователей, цитирование которых могло бы повлечь ответное внимание. Реципрокность становится возможной, когда авторы находятся в симметричных позициях по отношению друг другу. Скажем, когда студент в своей первой научной статье для сборника студенческих работ ссылается на Рэндалла Коллинза, в свою очередь сложно представить себе ответное цитирование американского социолога.

[16] Исследование М. Ороманером основных американских журналов по социологии показало, что почти 85 % от всех статей, опубликованных в AJS и ASR в 1990 г., цитируются в течение последующих 10 лет. При этом около 40% статей цитировались не только в основных журналах общедисциплинарной направленности первого эшелона, но в специализированных журналах. Из них 13 % оказались процитированными в пяти и более журналах (Oromaner, 2008).

[17] Предположения основаны на исследовании журнальной системы российской социологии. В качестве объекта выступили три социологических журнала – «Социологические исследования», «Социологический журнал» и «Журнал социологии и социальной антропологии»; временные рамки исследования 2002-2006 гг. Окончательная база данных включала информацию об институциональной принадлежности 1335 человек в «Социсе», 302 в ЖССА и 156 авторов в «Соцжуре». Всего было собрано 3220 ссылок в «Социсе», 1184 в ЖССА и 782 в «Соцжуре».

обрабатывается только «Социологические исследования».[18] С 2005 г. в России осуществляются попытки создания национального индекса цитирования (РИНЦ), который обрабатывает библиографическую информацию, аннотации и пристатейные списки цитирования из российских и зарубежных научных журналов. Сложность в использовании российского аналога индекса цитирования заключается не только в том, что тот реферирует не так много журналов в ограниченных временных рамках. Все преимущества[19] индекса цитирования перестают работать, если мы наблюдаем отсутствие главного условия для его существования: прежде всего, нужно быть уверенными, что и авторы и редакторы руководствуются в основном интеллектуальной значимостью в публикации и цитировании своих коллег. В случае социологических изданий скорее можно говорить о том, что и те и другие демонстрируют существенность институциональных позиций, чья связь с интеллектуальной значимостью работ не всегда очевидна.

Институциональная укорененность основных социологических изданий создает ситуацию, когда мы не можем найти журнал, который создавал бы репутацию для всего сообщества, и которому оказывали бы *одинаковое* внимание во всех важных социологических организациях.[20] В таких условиях социологические журналы создают репутации в пределах одного сегмента, что позволяет авторам оставлять в зоне легитимного невнимания не только остальные социологические журналы, но и целые сегменты. Именно, это заставляет сомневаться в том, что при такой организации журнальной системы можно успешно пользоваться индексом цитирования для оценки научных достижений ученых. Каждый из журналов будет обладать своим списком выдающихся ученых и значимых публикаций, набор которых вряд ли будет взаимно пересекаться между различными изданиями. Поэтому индекс цитирования будет зависеть от того, какие журналы подвергнутся библиографическому анализу. Даже если предположить, что будут отобраны все социологические журналы, то и в этом случае ситуация останется неизменной: каждый журнал будет создавать репутацию внутри своего сегмента, что сделает существование индекса цитирования бесполезным внутри *всего* научного сообщества.

В эмпирических результатах описанная выше ситуация выглядит как выбор социологами «своих» мест для публикаций, находящихся как в географической, так и в институциональной близости. В результате, например, мы наблюдаем минимальное количество обменов между городами и институтами. Петербургские социологи, локализованные в самых разных социологических организациях, крайне редко появляются в московских изданиях. Например, в «Социсе» за последние пять лет опубликовались 1335 авторов, но только 56 из них являлись представителями петербургского сообщества. ЖССА в этом случае только повторяет паттерн локальной укорененности - за тот же период московские социологи опубликовались не больше 16 раз. Список организаций, чаще всего участвующих в производстве журналов, косвенно указывает на институциональные связи редакции журнала и основных авторов. В случае ЖССА – это социологический факультет СПбГУ, в случаях «Социса» и «Соцжура» - Институт социологии РАН. В итоге, кажется, что возможность опубликоваться в том или ином журнале, в том числе зависит от близости к организации, выпускающей издание.

---

[18] Web of Science можно было бы использовать, если бы представители социальных наук в России активно публиковались в зарубежных журналах. О том, как мало такое число исследователей, можно узнать в работе И.М. Савельева и А.В. Полетаева (Савельева, Полетаев 2009).

[19] Кажется, что индекс цитирования является одним из самых привлекательных сигналов: он охватывает множество разрозненных авторов, что изначально затрудняет его возможность стать предметом торга и дискредитации. Лица, заинтересованные в его приобретении, попадают в ситуацию выстраивания длинной цепочки, в которой им приходится учитывать три различные группы агентов.

[20] Интересно, что мы не находим такого российского издания, в то время как в цитировании иностранных журналов авторы во всех трех журналах едины в своих предпочтениях: на первом месте находятся American Journal of Sociology и American Sociological Review.

Укорененность печатных изданий внутри локальных сообществ сама по себе не являлась бы такой важной для описания репутационных сигналов, если бы авторы выходили за пределы журналов, в которых они публикуются. Если бы мы знали, что дальше авторы выходят на широкий круг работ своих коллег, то, по меньшей мере, совокупное количество цитирований указало бы на самые важные работы для научного сообщества. К сожалению, распределение внимания между дисциплинарными журналами показывает, что исследователи из разных институтов скорее замкнуты внутри цитирования издания, выпускаемого тем институтом, сотрудниками которого они сами являются. Распределение внимания авторов можно увидеть через частоты, с которыми разные социологические институты цитируют различные журналы. Однако прежде нужно сказать о том, что в библиографических списках социологов трудно найти подтверждения идеи о том, что обмены вниманием играют сколько-то существенную роль для тех, кто обладает возможностью распределить его по собственному желанию. В большинстве случаев объемы внимания настолько незначительны, что едва ли можно делать выводы об оформленных цитатных предпочтениях даже основных социологических организаций. Чаще отдельные журналы получают по одной или две ссылки, реже три-четыре раза, что едва ли позволяет описать их устойчивые цитатные предпочтения в цитировании журнальной периодики. Во всех трех журналах почти 60% русскоязычных журналов получило всего одну ссылку и лишь менее 10% изданий получили больше десяти ссылок. В итоге обычный паттерн цитирования выглядит как цитирование авторами большого числа русскоязычных журналов, которые правда никем кроме них не цитируются, поэтому большая доля журналов получает всего одну ссылку.

Благодаря большему публикационному пространству в «Социологических исследованиях», мы можем увидеть, каким образом происходит воспроизводство репутации журнала, если считать с необходимыми ограничениями, что последнее можно зафиксировать в количестве цитирований, которые получает издание. Основными вкладчиками в цитирование журнала являются непосредственно сами авторы журнала, что создает предсказуемые действия, когда автор публикуется в журнале и затем цитирует работы из этого же издания. Особенно здесь стоит сказать о сотрудниках ИСРАН и РГГУ[21], которые намного чаще, чем их остальные московские коллеги цитируют журнал, близкий к их «родному» институт – 110 (12%) и 76 (9 %) ссылок соответственно. Если бы сотрудники одновременно оказывали внимание и другим социологическим изданиям, то цитирование более «близкого» журнала не являлось бы таким важным. Однако, не трудно заметить постоянство, с которым авторы в большинстве случаев ссылаются на журнал своей организации, и лишь между делом на другие социологические издания. «Социс» не просто занимает первое место среди наиболее цитируемых журналов, он оставляет все остальные журналы далеко позади, когда разрыв между первым и вторым местом достигает 93 ссылок (цитирование сотрудниками ИСРАН). Если последние изредка, но цитируют журналы помимо «Социса» («Мониторинг общественного мнения», «ОНС», «Соцжур»), то социологи из РГГУ практически не делают ссылки на другие издания (76 ссылок на «Социс» и 3-4 ссылки на «Полис», «Общественные науки и современность» и «Вопросы экономики»).

Если в воспроизводстве репутаций научных изданий участвует тесный круг их собственных авторов, то это заставляет сомневаться в том, что на эти репутации стоит опираться. В этом случае, как мы видим, репутации приобретают локальный характер, и будут зависеть от сегмента, их воспроизводящего. Но можем ли мы пользоваться какими-то иными репутационными сигналами? Кажется, что в случае российской социологии каждая из возможных альтернатив перестает работать, оказываясь присвоенной курирующей группой, которая зачастую стремится не воздать должное научным достижениям ученых, а превратить существующие символы в предмет сдельной оплаты.

[21] Основными вкладчиками из РГГУ являются Ж. Тощенко и Н.В. Романовский. Первый является главным редактором «Социса», второй – его заместителем.

Например, наличие кандидатской или докторской степени уже почти ничего не говорит не только для наблюдателей, но и для инсайдеров сообщества.[22] В результате внутри социологии мы застаем «хаос исследовательских областей и специализаций, представители которых, как правило, совершенно невежественны в отношении характера работы друг друга и нуждаются в подсказках, чтобы оценить, кого им имеет смысл слушать, читать, цитировать, приглашать выступить с докладом или заманивать на освободившуюся позицию на факультете» (Соколов 2009). Возможно, участники каждого сегмента не испытывают трудностей с оцениванием значимости результатов внутри собственного круга, но выходя за его пределы, они попадают в ситуацию неопределенности, не имея возможности полагаться на формальные маркеры научной деятельности.

Когда академические репутации формируются через оценки значимых других, это позволяет заниматься наукой, самостоятельно не подвергая сомнению каждый текст, попавший к нам в руки. Если же институты лицензирования дают сбой становится не совсем ясно, кому следует воздавать должное в своих собственных работах. Вернее вместо привычных для западного сообщества институциональных механизмов здесь начинают действовать менее эффективные институты. Вероятно, сами ученые более или менее ориентируются в том сообществе, в котором им приходиться взаимодействовать. Они высказывают мнение о происходящем, посещая разного рода академические события – конференции, семинары, летние школы, делая заметки в личных блогах on-line или рассылая открытые письма через институциональные рассылки. Главный недостаток такой информации заключается в том, что ее невозможно перенести в другой контекст: обычно мнению ученых доверяют внутри одного сегмента, но пытаются подвергнуть дискредитации за его пределами. В этом случае такой информационный сигнал в какой-то степени мог бы помочь в навигации среди текстов, однако, в рамках очень близких для каждого из сегментов. Вряд ли такого рода информация могла бы с легкостью переходить институциональные контексты, оставаясь безоговорочно легитимной в любой части социологического сообщества.

***

Отвлечемся немного от действительности и предположим, что появились грамотные институциональные меры, способные стимулировать борьбу за внимание в российских социальных науках. Социологические журналы перестали быть связанными конкретными академическими организациями. Редакторы в первую очередь стали бы заинтересованы во внимании признанных исследователей, поэтому публиковали бы только качественные статьи высокого профессионального уровня, поиск которых заставляет задействовать более широкий круг авторов. Предположим также, что статьи в этих журналах дают авторам значительные академические бонусы (последнее обеспечено специальными мерами административного характера), обладание которыми становится необходимым для построения успешной академической карьеры. Если в сообществе циркулирует несколько таких журналов, это заставляет редакцию не снижать планку требований к публикациям, так как в противном случае на первое место выйдет конкурент. Все это указывает на то, что публикации в таких журналах выступают как символ академического статуса для всего сообщества. Для последнего же социологические издания стали бы выступать сигналом качества опубликованных в них текстов. Мы бы получили надежный механизм, имеющий значение в самых разных институциональных контекстах.

Как в этом случае стали бы действовать авторы? Скорей всего, они стали бы стремиться опубликовать в указанных журналах свои статьи, которые действительно стали бы говорить об их академических достижениях. При активно действующем индексе

[22] Блестящий анализ теневого рынка диссертационных услуг смотрите (Каллимулин 2005, 2006).

цитирования, на который ориентировалось бы как академическое сообщество, так и бюрократические структуры, исследователям пришлось бы стараться привлечь внимание как можно большего количества ученых. В этом случае необходимо было бы ввести дополнительные условия для его успешного функционирования, начав учитывать ссылки на ученых, сделанные сотрудниками из других социологических организаций. В идеале возможная стратегия авторов заключалась бы во внимательном изучении публикаций других исследователей, цитирование которых могло бы повлечь ответное внимание. Авторам стало бы невыгодно оказывать внимание своим непосредственным коллегам по институту, хотя прежде это в значительной степени сокращало издержки, когда не нужно было тратить дополнительные усилия, изучая публикации в других журналах. Теперь лучшей стратегией явилось бы расширение внимания, что вывело бы из зоны легитимного невнимания не только значительное число социологических журналов, но и целые сегменты научного сообщества.

В отсутствии таких институциональных механизмов, когда система оценивания дает сбой, кроме воспроизводства локальных репутаций и рынков внимания скорее можно предположить переориентацию ученых на «нормальную» систему, сигналы которой дают некоторую уверенность в качестве исследовательских результатов и интерпретаций автора. Дабы сократить время на поиск нужной информации, нам выгоднее обращать внимание на статьи, опубликованные в действительно значимых и признанных журналах, даже если они доступны только через библиотечную электронную подписку.[23] Стивен Коул предполагал, что если дисциплина не может породить своих собственных «звезд» естественным путем, то не остается ничего другого, как создать их искусственно. Выверенный пантеон наиболее значимых фигур мог бы послужить проводником в потоке публикуемых текстов.[24] Однако если мы не можем придумать работающие критерии для создания «звездного» сообщества, то можно выбрать наиболее модный социологический стиль работы - most fashionable style of work (Cole 1986: 138). Даже просто полистав статьи в российских социологических журналах, легко вообразить, в чем он будет заключаться. Тогда во многом способом ориентации в потоке текстов остается опора на узкий круг авторов, выход за пределы которых влечет за собой значительные временные затраты. Некоторым утешением может послужить мысль о том, что именно твой хорошо известный круг авторов, фиксируемый в библиографии, занимается «настоящей» социологией. Если бы только не догадка о том, что эта мысль является общей для каждой из совместно существующих закрытых групп.

Библиография

Акерлоф Дж. 1994. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. THESIS 5: 91-104

Долгин А. 2007. Экономика символического обмена. М.

Калимуллин Т.Р.2006. Российский рынок диссертационных услуг. Экономическая социология 7(1): 14-37.

Калимуллин Т.Р.2005. Российский рынок диссертационных услуг. Экономическая социология 6(4)

[23] Побочным результатом может стать список литературы, почти исключительно состоящий из иностранных источников.

[24] Э. Эбботт предполагает так же введение списка звезд, только это способствовало не только искусственной консолидации канона, но и навигации в потоке всех тех заслуживающих внимания работ, которые публикуют ученые в социальных и гуманитарных науках (Abbott 2008).

Савельева И. М., Полетаев А. В. 2009. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Гуманитарные исследования 2 (39)

Соколов М. 2009. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии. Антропологический форум 9: 8-32

Юдкевич М. 2007. Деятельность университетов и ученых: экономические объяснения и академические оправдания, в кн.: Экономика университета: институты и организации. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. С. 47—74.

Abbott A. 1999. Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred. Chicago: The University of Chicago Press

Abbott A. 2008. AA's Plenary Lecture to the Association of American University Presses on Publication and the Future of Knowledge. Montreal, June 2008. Доступно: http://home.uchicago.edu/~aabbott/booksandpapers.html

Bott D, Hargens L.L. 1991. Are sociologists' publications uncited? Citation rates of journal articles, chapters and books. *The American Sociologist* 22: 147-158.

Christenson J, and Sigelman L. 1985. Accrediting Knowledge: Journal Stature and Citation Impact in Social Science. Social Science Quarterly 66(4): 964-75

Diamond Jr., A. M. 1986. What is a Citation Worth? The Journal of Human Resources 21 (2): 200-215.

Cole S. 1986. Why Sociology Doesn't Make Progress like the Natural Sciences. The American Journal of Sociology 91 (6): 133-154

Collins R. 1986. Is 1980s Sociology in the Doldrums? American Journal of Sociology 91 (6): 1336-1355

Gieryn T. 1987. Science and Coca-Cola. Science & Technology Studies 5 (1): 12-31

Glenn, Norval D. 1971. American Sociologists' Evaluation of Sixty-Three Journals. American Sociologist 6:298-303

Gross A. 2000.The Science Wars and the Ethics of Book Reviewing. Philosophy of the Social Sciences 30.

Henkens K., van Dalen H. 2004. Signals in Science - On the Importance of Signaling in Gaining Attention in Science, Tinbergen Institute Discussion Papers 04-113/1, Tinbergen Institute. Доступно: http://ideas.repec.org/e/pva110.html

Hicks D., Potter J. 1991. Sociology of Scientific Knowledge: A Reflexive Citation Analysis or Science Disciplines and Disciplining Science. Social Studies of Science 21:459-501.

Klamer A., van Dalen H. 2002. Attention and the art of scientifc publishing. Journal of Economic Methodology 9 (3): 289-315

Latour B. 1997. *Science in Action*. Cambridge: Harvard University Press.

MacRoberts M., MacRoberts B. 1986. Quantitative Measures of Communication in Science: A Study of the Formal Level. Social Studies of Science 16(1):151-172.

Merton R. 1968 The Matthew Effect in Science: the Reward and Communication Systems of Science are Considered (with Harriet Zuckerman), in: N. Storer, eds., The Sociology of Science. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Merton R. 1971. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Functions of the Referee System (with Harriet Zuckerman), in: N. Storer, eds., The Sociology of Science. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Moravcsik M. 1988. Citation Context Classification of a Citation Classic Concerning Citation Context Classification. Social Studies of Science 18:515-521.

Najman J., Hewitt B. 2003. The validity of publication and citation counts for Sociology and other selected disciplines. Journal of Sociology 39:62–80.

Oromaner M. 2008. Intellectual Integration and Articles in Core Sociology Journals, 1960–2000. American Sociologist 39(4): 279-289

Simon H.A. 1971. Designing organizations for an information-rich world', in: M.Greenberger, eds., Computers, Communications, and the Public Interest, Baltimore: Johns Hopkins Press.

Small, H. 1978. Cited Documents as Concept Symbols. Social Studies of Science 8: 327-340.